

УДК 101.1::316
ББК 87
И45

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *А.И.Алешин*.
доктор философских наук, профессор *ВМ.Межуев*

Издание осуществлено в авторской редакции
при поддержке:
фирмы "Совинсервис" — генеральный директор
Г. Либенсон,
фирмы "УТЕ" — генеральный директор
Э. Кузнецов,
фирмы "Гармония" — генеральный директор
А. Кондратьев

Ильин В.В.
И45 **Философия истории.** — М: Изд-во Моск. ун-та, 2003. —
380с.
ISBN 5-211-04688-9

Книга посвящена рассмотрению оснований исторического процесса. В ней анализируются столь значимые проблемы современного обществознания, как наличие в союкупном общечеловеческом опыте жизнеиспытания неких сквозных зависимостей, схем, структур, специфицирующих природу традиционных единиц истории, начиная с народа (государство, нация) и кончая родом *Homo sapiens* в целом (тотальность цивилизации).

Для обществоведов, широкого круга читателей.

ISBN 5-211-04688-9

УДК 101.1::316
ББК 87
)в.Ильин, 2003

МОРФОЛОГИЯ ИСТОРИИ

"История — самый опасный из всех продуктов, вырабатываемых в химической лаборатории нашего ума. Она побуждает к мечтаниям, она опьяняет народы, она порождает у них ложные воспоминания, преувеличивает их рефлексы, растревляет старые их раны, лишает их покоя и ввергает их в мании величия или преследования", — указывает Валери. Опасности истории таятся в нашем незнании, непонимании пружи́н ее тока.

Исторический закон есть начало, управляющее сменой исторических явлений¹, — отмечает Ключевский. Есть ли такие начала? Откуда их выводить? С чем связывать? Если принять, будто история творится лицом (она — плод персональных утверждений индивидов), истории придется сообщить психологическое толкование. (Психология — фундаментальное основание истории — линия Тэна.) Если принять, будто существуют исторические явления, не объяснимые исключительно и преимущественно процессами, замыкаемыми на отдельные лица, истории придется сообщить сверхличностное — социологическое, физиологическое (демографическое), физико-географическое толкование. Можно настаивать на комплексности исторических законов, являющихся сложением множества сил-факторов.

Сложность предметной сферы предопределила неоднозначность тематизаций ее в прошлом: наследие поставляет варианты от объективизма (географизм, космизм, техницизм) — Гиппократ, Монтескье, Ратцель, Леруа-Гуран; через субъективизм (история — процесс личностей, перипетий героев) — Верморель,

¹ См.: Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т.6. С. 81.

Лампрехт, Михайловский; до синтетизма (история — сочетание действий человека и влияний среды) — Ключевский.

Между тем правомерно обострить праксиологическое измерение истории. История как продукт гуманитарного зодчества есть мощный разветвленный континуум артеактов и артефактов. Покрывается ли она им полностью? Историческое бытие как "дело рук человека" самоконституируемо. Что заставляет человека в рукотворении исторической реальности выходить за пределы себя, осуществлять броски вперед, развиваться? Положивший начало философии истории Августин, прорабатывая проблему, выдвинул христианскую объяснительную платформу: история есть богочеловеческий процесс, устремленный к метаисторической цели — воплощению в земном небесного града. В кильватере этих представлений шел Вико, в качестве направляющей силы исторического творчества введший Провидение. Сходным образом поступали Гегель, Данилевский.

Провиденциализм, телеологизм, фатализм как объяснительные схемы теории в том смысле, с каким мы привыкли связывать существо выработки в теории объяснительных схем, адекватными не являются. Листья воспоминаний скорбно шуршат во мраке (Лонгфелло) — пусть там и шуршат. Никакого обнадеживающего содержания из их шуршания в темноте — даже при помощи лупы — не извлечь. То, что настоятельно требует забвения, да будет предано забвению. Понимание чего, однако, актуализирует исходную проблему подлинных лицедеев исторического процесса.

В такой плоскости рефлексию исторической материи проводили:

- Макиавелли, изучавший не этические, а державные функции правления, и выявлявший их морфогенетические предпосылки и последствия;
- Вико, задумавший особую науку о производимых нами реалиях^ правилах творения людьми гражданского мира (где мы, по его понятиям, — полные хозяева и господа).

Полученные ими ценные, но не исчерпывающие результаты (могут ли таковые здесь быть вообще?), однако, не устраняют неясности, в каком смысле, в каком отношении мы подлинные, полноценные авторы истории как единого, внутренне обусловленного морфогенетического поля.

3.1

ПЛАСТЫ ИСТОРИИ

"История в том виде, как она существует теперь, едва ли даже заслуживает названия науки; в ней чрезвычайно много описательного и художественного элемента, но собственно научного, — законов исторических, — в ней до сих пор нет. Много говорят об исторических законах, о развитии, необходимом движении, современных потребностях, но все это слишком отвлеченно, и всякий историк стал бы в тупик, если бы от него потребовали, чтобы он сформулировал хотя бы один исторический закон", — сетовал Б.Н. Чичерин¹. Камень преткновения истории — убеждаемость в этом очередной раз — морфогенетические законы.

Ситуация в истории — надорганической эволюционистике — без всякого рода натяжек и передержек может быть уподоблена ситуации в биологии — органической эволюционистике, — где, по авторитетному свидетельству Б.Л. Астаурова, "мы бродим пока в совершенных потемках среди невообразимого множества узанных фактов, частных закономерностей и построенных для них дробных объяснений, не обладая здесь светочем какой-либо достаточно общей теории и все еще взирая на развитие цыпленка в яйце как на подлинное чудо"². Напомним: в области биологии развития в качестве концептуальных платформ фигурируют позиции:

- мутационизм: эволюция — результат достаточно механического просеивания генетически случайных изменений (мутаций), ведущих к видообразованию (Коржинский, Де Фриз);
- эволюционизм: развитие живой природы — результат а) превращения одних органических форм в другие (трансформизм — Бюффон, Сент-Илер); б) целесообразных изменений организмов под влиянием внешней среды с наследованием приобретенных признаков (ламаркизм, механо-, орто-, психолamarкизм); в) случайного возникновения новых форм (изменчивость), последующего их закрепления (наследственность), устранения неконкурентоспособных особей (естественный отбор) (дарвинизм — Дарвин, Уоллес). Современная версия эволюционизма — синтетичес-

¹ Дневник Б.Н.Чичерина // РГВ. Ф. 334, карт. 17, едхр. 5, л. 3 об.

² Астауров Б.Л. Проблемы общей биологии и генетики: М.у1979. С. 229.

кая теория эволюции, представляющая сплав дарвинизма и популяционной генетики, — интерпретирует целесообразные изменения живого в терминах модели наследуемых случайных изменений, корректируемых творческим влиянием естественного отбора;

- автогенез: эволюция — следствие внутренних, независимых от влияний окружающей среды нематериальных факторов (витализм — проявление энтелехии — Дриш; аристокенез — проявление скрытых творческих стимулов);
- номогенез: эволюция — результат действия скрытых фундаментальных законов, которые постулируются, но не формулируются (Берг, Любищев).

Используя потенциал уподобления, отметим: с мутационизмом сближается психологизм, анархизм; с трансформизмом — космоизм; с ламаркизмом — техницизм; с дарвинизмом — марксизм; с номогенезом — толстовство; с витализмом — органицизм, холизм, эмерджентизм. Не входя в разбор принадлежащих истории взглядов и эксплуатируя их положительные возможности суммарно и по существу, сформулируем некие базовые презумпции адекватного взгляда на предметную сферу.

1. Историческое развитие, социальный морфогенез не есть прямая (простая, плоская) реализация исходного экстенсивного разнообразия; социально-исторические структурные перевоплощения зиждутся на переводе интенсивного разнообразия в экстенсивное.

2. В истории, социоморфогенезе реализуются не механические, а системные, органические, целевые типы причинения.

3. Локомотивом реализации исторического морфогенеза является самоорганизация (регуляция целостности, наращивание адаптивности, рост оптимальности и т.п.).

Что обуславливает исторический морфогенез?

Нерв вопроса — проблема, что конкретно принимать за побуждающие основания исторических изменений. Пробегая промежуточные, сосредоточимся на оценке крайних позиций.

По аналогии с мутационизмом, усматривающим пружину биологической эволюции в случайных изменениях генофонда, пружину исторической эволюции можно усматривать в свободных личностных поступках, влекущих изменения социофонда. Такую позицию трудно проводить концептуально ввиду неномологичности. Если материал исторического формотворчества свободно, случайно осуществляемые поведенческие акты, — в истории нет законов. Онтологический номинализм исключает доктринальный но-

мологизм. Именно за это данную позицию критикует Толстой, настаивая: "...необходимо отказаться от сознаваемой свободы и признать неощущаемую нами зависимость"¹.

По аналогии с номогенезом, усматривающим пружину биологической эволюции в фундаментальных динамических законах, пружину исторической эволюции можно усматривать в скрытых универсальных зависимостях. Так и поступает Толстой, утверждая: "...если история имеет предметом изучения движения народов и человечества, а не описание эпизодов из жизни людей, то она должна, отстранив понятие причин (локальных. — *Авт.*), отыскивать законы, общие всем равным и неразрывно связанным между собою бесконечно малым элементам свободы"². Такую позицию трудно проводить концептуально ввиду мистичности. Если материя исторического формотворчества скрытые (неидентифицируемые) фундаментальные законы, — в истории нет случая. Онтологический реализм индуцирует доктринальный мистицизм: история оказывается неизвестно как и чем престабилизированной.

Таковы крайности; естественно, они не проходят.

В качестве промежуточной кристаллизовалась теория роли народа (толпы, массы) и личности (героя, гения) в истории. Суть ее в лапидарном изложении сводится к допущению свободных субъективных волей на фоне латентных объективных тенденций. Дифференцируется статус субъективных волей. Народ (масса, толпа) — носитель ординарной, личность (гений, герой) — неординарной воли. Народ обладает инерционной, личность — творческой силой. Народ вписывается, личность улавливает тенденции. Такую позицию (отстаиваемую и марксизмом) трудно проводить концептуально ввиду нерелефлексивности того, что значит улавливать тенденции? Как их идентифицировать? Кто, в силу чего обладает сим драгоценным даром? Скажем: была ли объективная тенденция в России с октября 1917 г. в мелкоотварной стране внедрять прямой продуктообмен, разгонять всенародно избранное Учредительное собрание, искоренять частную собственность? Кто и как все это уловил? Большевики? Или: была ли объективная тенденция в России с августа 1991 г. в центрально-административной стране внедрять дикий капитализм, после всенародного весеннего референдума разваливать СССР, проводить

¹ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 7. С. 355.

² Там же. С. 354.

олигархическую приватизацию, искоренять государственную собственность? Кто и как в очередной раз все это уловил? Чикагские мальчики?

Проникновенный разговор о пружинах исторического морфогенеза правильно возобновить (обогатившись высказанным) с представления многослойности исторической онтологии, в которой должны быть заложены пласты, связанные с:

- влиянием общих и необходимых причин;
- влиянием частных причин и свободных поступков;
- отношение всего этого к организации человека¹.

Принятие этого — ариаднова нить для предстоящего поиска.

Неадекватные субъективистские (волюнтаризм) и объективистские (фатализм) доктрины истории сподвигают на нахождение новых экспликативных эвристических схем. По обозначенным выше основаниям, это схемы разноуровневых (разнопричинных) структурных законов исторической динамичной организации. Архитектоника их такова:

- структурные зависимости дальнего порядка (мегатенденции) — вскрываются социальной фенологией, фундаментальной ритмодинамикой (циклика, ритмика социально-исторических структур; генерация, реставрация, элиминация социально-исторических обстоятельств);
- структурные зависимости среднего уровня (макротенденции) — вскрываются модульными теориями социума (типы державных движений, почвенные влияния);
- структурные зависимости локального уровня (микротенденции) — вскрываются антропологическими описаниями (деяния лиц, масштаб персональных целей).

Предложенный эскиз порождающих причин исторической организации стимулирует продвижение в понимании оснований, природы, правил творения истории, вершения жизни, обмена деятельностью в социуме. Во всяком случае — с порога — он отвергает не критические физикалистские (квиегистские) трактовки нашей исторической жизни, согласно которым последняя — "линия, которую мы должны по повелению природы описать на поверхности земного шара, не имея возможности удалиться от нее ни на один момент"². Гольбаховская картина пуста, безжизненна;

¹ См.: Тюрго А. Избр. филос. произв. М., 1937. С. 78.

² Гольбах П. Избр. произв. М., 1963. Т. 1. С. 208-209.

уважая себя, свою жизненную организацию, нельзя встать на точку зрения, будто все в человеческой истории заведомым образом подтасовано.

3.2

ВОЛНЫ ЖИЗНИ

Камень преткновения философии истории, отмечалось выше, — морфогенетические начала: с чем связывать, на что замыкать формотворческие продуктивные, порождающие инициативы. Рефлектирующая мысль канализирует поиск в створ альтернативы — морфогенез обусловлен: свободой воли агентов исторических действий; некими законами в диапазоне от натурализма до фидеизма (телеологизма). Не прибегая к синопсису, не озабочиваясь оценочным перебором архаичных взглядов, в качестве заслуживающего внимания, не утратившего концептуальной основательности из обоих подходов выделим:

- история как гуманитарное явление связана с деятельностью лиц и на нее завязана: без частных личностных поступков нет общих исторических действий;
- история как закономерное системное явление номологична, связана с проявлением объективных зависимостей (от моральных, культурных до физических).

Начало человечности лишает историю мистического порядка, начало номологичности лишает историю беллетристического порядка. Поскольку гипертрофия как одного, так и другого делает из истории компендий анекдотов, а не науку, дело заключается в том, чтобы провести оба начала адекватно. Как это сделать?

Жизневоспроизводство, жизнеподдержание осуществляется в общественной среде посредством целесообразных поведенческих актов (поступков). Учитывая их количественную (численность) и качественную (мотивированность) дифференцированность, теория отработывала естественный ход, привлекающий для концептуализации поведенческого разнообразия идеи статистики. Межсубъективный обмен деятельностью — социальная интеракция, — интерпретируясь в терминах броунова движения, рассматривалась как результирующая беспорядочных (ввиду массовости) соударений субъективных волей. Модель статистических флуктуации молчаливо предполагала (1) случайность социально-исторических событий: они — резюме многообразных разнонаправленных, раз-

номотивированных элементарных субъективных проявлений в системе из большого числа элементов; (2) непреднамеренность, незапрограммированность отдельно рассчитанных, но в массе своей спонтанно возникающих (в качестве статистического подытожения) эффектов.

Соответствующие доводы поставляются представителями разных философских и социально-политических ориентации. В отношении (1) сошлемся на Кропоткина, утверждавшего: "Скорость человеческой эволюции в данном направлении вполне зависит от интеграла единичных волей... найти этот интеграл или хотя бы только оценить его количественно можно... живя среди людей и следя за самыми простыми, обыденными, мелкими проявлениями человеческой воли"¹.

В отношении (2) — на Гегеля: учитывая массу людей, их противодействие, получаются иные результаты, "чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают"².

Между тем, если происходящее в истории спонтанно, порождено необозримым сложением необозримых сил (статистическая равнодействующая соударений множества частных волей), происходящее в истории самопроизвольно, спорадично, незаконнообразно. Обостряется проблема номологичности исторического тока.

В качестве рефлектирующей реакции на нее — платформа Канта, исключаящего из философии истории "свободу воли" в амплу объяснительного принципа и настаивающего на истолковании поступков (социально-исторических акций) через призму "общих законов природы"³.

И платформа Шеллинга, который, осмысливая потенциал социальной статистики и констатируя на его базе, что "человек лишь потому входит в историю, что ничто из его будущих поступков не может быть учтено на основании... теории. В силу этого в истории властвует произвол"⁴, прямо отвергает его, высказываясь в пользу фатализма: в истории доминирует "слепая необходимость", перед которой персональные цели, замыслы исчезающе малы.

¹ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 248.

² Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 8. С. 27.

³ См.: Кант И. Соч. Т. 6. С. 7.

⁴ Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма. Л., 1936. С. 338.

Каков итог? Допущение свободы воли (волюнтаризм) в истории подрывает номологичность исторического тока. Допущение номологичности исторического тока подрывает реалистичность истории, откуда не выдворить свободу воли положительных агентов действий — импульсивных реакций, поступков вершащих историю, занимающихся творением жизни лиц. Разобшение волюнтаризма с номологизмом, следовательно, дает то, что дает: псевдоисторическую доктрину, стилизацию под полноценную историю.

Где тот заветный ключ, который позволяет сопрягать свободную и необходимую причинность, волю и закон, суетно-легковесное и непреходяще-значимое.

Проблема, как люди способны реализовать в частных целях субстанциальное, "являющееся волей мирового духа" (Гегель), паки и паки сложна. Вариантами ее решения выступали рассмотренные выше базовые модели героев и толпы и Провидения, которым было отказано в эвристическом кредите. В пользу предпочтительного чего? В пользу модели природно-надличностных законов, имеющих воплощение в свободно-личностной деятельности.

Человек есть цель для себя. Реализация собственной целезначимости предполагает достижение гармоничного бытия, обеспеченного конкордией природы (связанная причинность) и воли (свободная причинность). Высокая резонансность одного другому предельным своим выражением имеет целесообразность: мы творим мир (вторую социально-историческую природу) по свободной воле, но на базе целесообразных начал, вводящих большую степень соответствия намеченных целей условиям их воплощения.

Нерв целесообразного — созидание потенциального бытия по реалистичным правомерным целям, удовлетворяющим природным законам. Поскольку история есть созидание, творение того, чего нет в природе, носитель способности изменять мир по своим целям (лицедей в истории) в своем миротворении свободен. Поскольку реализация свободы лицедея истории целесообразна, созидание сверхприродного целерационально, правомерно, законосообразно. В этом суть. Причем суть эта выражена применительно к идеальным случаям, большим интервалам истории, тенденциям. Применительно к реальным событиям, малым историческим интервалам, локусам требуется коррекция. Действительно, как объяснять механизмы поддержания динамических равновесных состояний в социуме в масштабах (условно говоря) микроэволюционных, ведь ясно, что справедливой для макроэволюционных рассмотрений идеей целесообразности тут не обойтись.

Оживление, понятийное обновление аппарата социальной философии (и методологии истории), на наш взгляд, связано с применением модели волн жизни, использующей представления объективной циклики и ритмики социально-исторических форм.

Волны — энергетические или стилистические возмущения жизнеспособных контуров — распространяются в социально-исторической среде с конечной скоростью, инициируя (реставрируя) определенные виды межсубъективной коммуникации и интеракции. Социально-исторические волны проявляют себя как фазовые возмущения, или изменения состояний, колебаний, обладающие некоей степенью повторяемости. Последняя и образует естественную циклику и ритмику (последовательность, частота, скорость протекания, временная организация, чередование, кругооборот стартовых и финишных черт) социума и истории.

Доктринацию социально-исторических циклов и ритмов в терминах сущностных описаний, как подчеркивалось, проводит социальная фенология, фундаментальная ритмодинамика (учение о ритмах и циклах). Доктринацию социально-исторических периодических колебаний (реставрация, элиминация) в терминах феноменологических описаний проводит модульная теория социума (учение о пропорциях и фазах). Доктринацию социально-исторических циклов и ритмов в терминах гуманитарных описаний проводит историческая, социальная, культурная антропология (учение о поступках и лицах). Обратимся к ним.

3.3

ЦИКЛЫ И РИТМЫ

Что такое необходимость в истории? Можно смело утверждать, что ни одна из известных философий истории убедительного ответа на вопрос не дала. Мысль ограничилась блужданием в створе дилеммы: необходимое в истории — план либо "природы", либо "мирового духа" (Провидения). Несомненное достоинство такой линии — спокойная отрешенность, которая, однако, ввиду расчеловечения исторического жизнетока, подмены истории то географией, то религией удовлетворения не поставляет. Не лучшим образом обстоит дело и с вопросом теоретического выражения исторической необходимости. Обладающая многими преимуществами сопоставительно с идейными предтечами доктрина общественно-экономических формаций на сегодня эвристически

выдохлась. Без претензий на полноту, системность в качестве маркеров ее неадекватности выделим следующее. Оказалось:

- неверно, будто буржуазия не способна к господству, потому что она не может обеспечить своему рабу даже рабское существование, потому что она вынуждена довести его до такого состояния, в котором она должна кормить его, вместо того чтобы существовать на его счет¹;
- неверно, будто противоречия — локомотив положительного, продуктивного развития;
- неверно, будто пролетариат — передовой класс, представляющий интересы всех общественных страт, — спасает человечество революционным броском из негуманистичной предыстории в гуманистичную историю;
- неверно, будто революция — адекватный рычаг социального устройства (ломающая воспроизводительные контуры, революция ввергает жизнь в пучину затратной дезорганизации, хаоса);
- неверно, будто Россия — слабейшее звено (были и слабее) в системе империализма, предуготовленное к свершению социалистической революции;
- неверно, будто империализм — сверхкризисная фаза монополистического капитализма, канун пролетарской революции.

Неверно и многое, многое другое.

Наш положительный взгляд на природу вещей через призму модели длинных волн — социальных циклов и ритмов — сводится к тезису: онтологический базис истории двусоставен, в качестве исходного всегда это — человеческие цели, мотивы, интересы, ценности, которые накладываются на объективные (подверженные циклическим зависимостям, имеющие собственную ритмику) условия жизнедеятельности. Исторические события в силу этого — многопричинны, порождены и лицами (лицедеями) и вследствие вписанности лиц в более глубокие каузальные связи (циклика, ритмика) — объективными зависимостями.

Выразимся пространнее. Чем объяснить череду революций в Европе и Азии в середине XIX в.? Теория общественно-экономических формаций в качестве движущих причин приводит социальные противоречия — разбаланс производительных сил и производственных отношений. Естественно, следование доктрине оз-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 435.

начает наследование языка доктрины. Между тем возможны иные подходы с применением альтернативных лексических фигур. Один из них — язык естественной циклики и ритмики исторических форм.

"Истинное по природе своей пробивает дорогу, когда пришло его время"; "оно появляется лишь тогда, когда это время пришло", — отмечает Гегель¹. Что это за время? Его обозначает не Провидение, а объективно (циклично и ритмично) проявляющиеся рамы событий, инициирующие специфические процессы (обстояния).

Сущий кладезь таковых — материал мировой истории середины XIX столетия, — черпай не вычерпашь.

В авангарде европейской революции оказалась Франция, гражданское возмущение которой вне и помимо теории общественно-экономических формаций правомерно связывать с циклическим и структурным промышленным кризисом 1826 г. и воспроизводительной депрессией 1829—1830 гг. (ср. с мировым экономическим кризисом 1928—1938 гг., свидетельствующим о наличии 100-летней турбулентной дестабилизационной волны), усиленной неурожаем.

Сбои в жизнеобеспечении обусловили обострение социального (народного) вопроса. Правящая элита в лице короля Карла X, не сподвигшись на либерально-демократическую реформу, скомпрометировала себя не только в глазах народа, но и влиятельных конституционных монархистов. Социальный вопрос был трансформирован в вопрос политический. Развернулась ожесточенная династическая борьба за замещение Бурбонов Орлеанами.

В упрочение растрченных активов 25 июля 1830 г. Карл X подписывает указы (ордонансы Полиньяка) ультрароялистского духа. Расцененная в качестве неуклюжей потуги реакционного государственного переворота акция спровоцировала выступление народа. Протест адресовывался уже анахроничной монархии, поддерживаемой дворянским и клерикальным охвостом. Карл X, отрекшись от престола, бежал в Англию. 31 июля королем провозглашен герцог Орлеанский Луи-Филипп.

С инновационной точки зрения июльская революция во Франции завершилась полным крахом. Ни экономический (социальный), ни политический вопросы принципиально (не считая смены властного декора) решены не были. Если бы Карл X

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 4. С. 39.

дальновидно санкционировал буржуазную монархию сверху, никакой революции не случилось бы.

Лишь мифологическая эпоха однократна — исключает наведения, воспроизведения. Гражданская эпоха мировой истории пронизана индуцирующими эффектами. Революционные события во Франции выступили в роли мощнейшей возбуждающей силы. Падающее оттуда социально-политическое излучение вздыбило Европу: по континенту пошли когерентные протестные волны. Облик турбулентного взаимосвязанного цивилизно-европейского целого может быть передан незатейливым методом хроники.

АНГЛИЯ: парламентская реформа 1832 г.; возникновение чартизма; стачечное манчестерское движение (1842 г.); (восстание 1837-1838 гг. в Канаде).

ГЕРМАНИЯ: революционные выступления (завершившиеся реформами) 30-х годов в Саксонии, Брауншвейге, Ганновере, Баварии, Гессене, Рейнской области, Франкфурте-на-Майне; 1844 г. — восстание силезских ткачей.

АВСТРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: освободительная борьба в Венгрии (конец 40-х годов); июнь 1844 г. — выступление рабочих в Праге; славянское движение за возрождение и освобождение (чехи, словаки, хорваты); 1846 г. — восстание в западной Галиции; февраль 1846 г. — мятеж в Кракове.

БЕЛЬГИЯ: 1830 г. — антиголландское национально-освободительное восстание.

ИТАЛИЯ: 1830 г. — Рисорджименто — выступления против австрийского гнета, политической раздробленности, феодального абсолютизма; объединительные общественные движения 1844—1847 гг.

ИСПАНИЯ: карлистская война 1833—1839 гг., лето 1834 г. — антиклерикальное конституционное движение; революции 40-х—50-х годов.

ПОЛЬША: восстание 1830—1831 гг. за обретение национальной независимости; 1846 г. — краковское выступление.

ШВЕЙЦАРИЯ: 1832 г. — обострение борьбы за буржуазно-демократические преобразования, ограничение прав, привилегий духовенства; пике сейма с Зондербундом; гражданская война 1847 г.

Под влиянием французских событий пошли, следовательно, революционные брожения, выступления, войны за политические, социальные, гражданские требования. В нашей лексике это — борьба за жизненные гарантии.

Мы целенаправленно вновь и вновь обращаемся к глубокому сюжету жизнеспособных инвариантов, экзистенциальных абсолютов, которые были названы фундаментальными соци-

альными константами (ФСК). К ним относятся находимые спорадично, путем проб и ошибок жизнеустроительные оптимумы, выражающие стиль, строй, порядок максимально отлаженного (сопоставительно с идеалами) существования. Во всех регистрах, измерениях жизнепорождающих процедур, актов находятся благоприятные, желательные варианты из числа возможных. Историю можно уподобить весьма и весьма диспергированному по географическим, культурным, хозяйственным, политическим, гражданским, традиционным, конфессиональным и т.д. признакам образованию, где при внимательной оценке самой логики отлаживания жизневоспроизводственных действий выделяются точки разрежения (тупиковые ветви развития) и точки плотности. Точки плотности — сгустки наибольших и наилучших приближений к неким экстремальным идеальным состояниям (понятия чаемой, потребной, желанной жизни).

В регистре материального воспроизводства это — максимальная мотивированность, стимулированность продуктивной деятельности.

В регистре духовного воспроизводства это — максимальная самореализуемость.

В регистре политико-гражданского воспроизводства это — максимальное участие, вовлечение, волеизъявление.

В регистре экзистенциального воспроизводства это — максимальная самоудовлетворенность, полнота, глубина существования.

В целом это — оптимальная стратегия бытия, связанная с воплощением принципа минимакса, предписывающего участникам исторического процесса (игрокам жизни) стремиться к максимально достижительным, гарантийным, успешным (выигрышным) линиям поведения.

В аналогии можно пойти дальше, уподобляя историю матричной (антагонистической) игре, в которой игроки (участники) имеют конечное число стратегий. Так как разные игроки имеют разное число стратегий: допустим, игрок 1 — m стратегий; игрок 2 — n стратегий и т.д., матричная игра задается ($m \times n$) — матрицей $H = (.hij)$, где hij — выигрыш 1 игрока, если он следует стратегии $i, i = 1 \dots m$; а игрок 2 — стратегии $j, j = 1 \dots n$.

С позиций принципа минимакса игрок 1 (в идеале) избирает такую стратегию i_0 , где достигается $V_x = \max \min hij$; игрок 2 избирает стратегию j_0 где $V_2 = \min \max hij$.

Если $V_x = V_y$ парз (i_0, j_0) составляет седловую точку матрицы H с выполнением неравенства $hij_0 < hij_0 < hij, i = 1 \dots m, j = 1 \dots n$. Число hij_0 оказывается значением игры, стратегия i_0, j_0 является оптимальной (оптимальная чистая стратегия игроков 1 и 2). Разумеется, в истории оптимальная чистая стратегия игроков (участников) — редкость. В истории мужество не было бы мужеством, если бы основывалось на точных, предвидимых, чистых стратегиях. Локально оптимальные стратегии попадают в класс смешанных стратегий. Глобально же (на длительных интервалах) оптимальные стратегии находятся в классе чистых стратегий. Последние и передаются ФСК — не постоянными величинами (как в физике), а функциональными показателями, выражающими характеристики эмпирических распределений.

От социума к социуму признаки их внутренней организованности варьируют; каждому варианту (значению некоторого показателя $X_1 \dots X_n$) в принципе можно поставить в соответствие одну и ту же вероятность. $P_i = 1/n, i = 1 \dots n$. При достаточно большом количестве испытаний (и наблюдений за ними), однако, обособливаются экстремумы, фиксирующие min и max социальной кредитоспособности. Когда на социальное действие (от планирования до маневрирования) проецируются параметры желательности — максимальная выгода при минимальных издержках, — на авансцену выдвигаются ФСК в виде представлений разумности, целесообразности, справедливости, достоинства, адекватности, сбалансированности целей, средств, результатов при недопустимости, невозможности вхождения в некоторые состояния и превосхождения некоторых величин (решение задачи с неприемлемым уровнем потерь). ФСК, следовательно, — это показатели многокритериальной оптимизации, получаемые не формально, а эмпирически, посредством статистического резюмирования исторических опытов социального устройства (социальных распределений).

Возможность обустроить общество лишь по видимости представляет собой задачу с произвольным решением. Изначально она (возможность) лимитируется условиями: 1) фазовые, временные, ресурсные ограничения — человеческий, социальный, геополитический, физический, властный потенциал; 2) инициативные ограничения — недопустимость саморазрушения, самоуничтожения.

Откуда следует, что социальное устройство крепится на специфической манипуляции всеми видами инициатив и ресурсов, подчиненной достижению желательных состояний с позиций определенных критериев качества. Содержательно ФСК и активизи-

зируют подобные критерии, обостряя регулятивную коррекцию деятельности, обособливая из множества допустимых динамических форм (цели, средства, результаты — намерения, механизмы, действия) магистрали (множество актов, манипуляций, лежащих на оптимальной эффективной приоритетной — стационарной — траектории социодинамики).

ФСК имеют эмпирическую и критическую сущность; орудием их выделения служит аналитическое обобщение социально-исторического опыта. Действования в истории сравнимы с действиями в рамках коалиционных и бескоалиционных игр в условиях неполной, меняющейся информации. Процесс игры (исторического действия) заключается в осмысленном переходе от исходного состояния к последующему через выбор игроками (лицедеями) поведенческих стратегий (по правилам или без правил). Акты выбора соответствуют стратегиям игроков в играх с неполной информацией, когда ни одному из участников игры при очередном ходе досконально неизвестна позиция дерева игры, в которой он находится. Принятие решения (выбор стратегии) в условиях неопределенности производится в опоре на отслеживание расстановки сил, изучение конъюнктуры, учет ресурсов и т.д. Однако оптимизационную направленность актов выбора (принятие решений) осуществляет содержание ФСК, ориентирующее на разумное, целесообразное, предсказуемое поведение персонажей истории, участвующих, как правило, в антагонистичных, затратных, конфликтных играх.

Жизнь исключает призраки (в магистралях). Она требует гарантийных, человеколюбивых регламентов своего обустройства. В качестве -борьбы за такого рода регламенты — циклические, фазовые процессы, нацеленные на оптимизацию обмена деятельностью в соответствующих регистрах жизнеобеспечения согласно требованиям ФСК.

Causa efficiens данной борьбы — обстоятельственная циклика и ритмика, соответствующая фазам таких периодических явлений, как звездная, планетная, кометно-метеорная активность, колебания био-, гидро-, лито-, магнитосферы¹. Говоря строго, если есть магнитобиология, то должна быть и магнитосоциология, без каких-либо тривиализаций и вульгаризации исследующая влияние магнитного поля на социальные организмы. Наличие магнитных бурь — сильных возмущений магнитного поля Земли, длящихся порой продолжительное время, определяет и наличие

¹ Подр. см.: Ильин В.В. Политология. М., 2000. С. 108-116.

вызванных ими социальных аномалий, проявляющихся в социальных пертурбациях, вспышках девиаций. Совершенно ясно, что корреляции подобного типа — нединамические, что они не могут напрямую выступать сюжетным источником социальных катаклизмов. И тем не менее могут.

Они накладывают на все, что ни выходит из мастерской природы, печать зависимости. Зависимости живого, социального от натуралистического. Скажем: есть циклы, ритмы засух, наводнений, недородов, неурожаев, ураганов, эпидемий, пандемий, эпизоотии, панзоотии, — конечно, они влияют на социальный обмен деятельностью. Если череда натуралистических неблагоприятных воздействий на социосферу достаточно продолжительна, сильна, в статистике социосфера входит в разбалансированную турбулентную фазу с непредсказуемым, негарантированным исходом для собственного существования. Может начаться всякое — переселение народов, исчезновение стран, депопуляция и т.п. В некоторых местах пойдет гражданская активизация масс, в частности завершающаяся революцией. Знание критических периодов, точек, последовательностей естественных циклов и ритмов давало бы превосходное средство целесообразного воздействия на реальность с позиций ее оптимизации, недопущения вхождения в опасные экстремумы. Если знать циклы, ритмы... "Если" — едва не самое короткое и безнадежное слово. Трудно признавать, однако же верно: поскольку особой дисциплины, изучающей периодические явления в развитии социума — социальной фенологии, фундаментальной ритмодинамики — (пока!) нет, постольку мы лишены возможности предупреждающей санации ситуации.

Отсюда в качестве консеквента — безрадостное упование на власть. Дальновидна власть — регуляризует турбуленцию (инспирируемую неблагоприятной цикликой и ритмикой) saniрующей реформой. Недальновидна власть — не способна на нетривиальные инновационные действия — отчаявшиеся массы (подогреваемые политической оппозицией) переведут социальный кризис в политический, развернут революцию. Последняя, не решая жизнеустроительных проблем, воспроизведет необходимость их решения в условиях новой власти.

Мораль извлекается сама собой: так как социальная интеракция подвержена влиянию циклических и ритмических процессов, ее оптимизация, регуляция покоится на опережающей (относительно циклов и ритмов) реформационной (исключающей революцию) санации.

Использованный материал европейской истории свидетельствует о вызревании необходимости социально-политических ре-

форм, предусматривающих повышение уровня жизни (гарантированная зарплата, ограничение произвола работодателей, снижение эксплуатации — все эти требования, можно сказать, надформационны — характеризуют борьбу непосредственных субъектов труда в пределах и рабства, и феодализма, и капитализма, и социализма); обретение национального суверенитета; расширение гражданского участия; секуляризацию. Буквально во всех регистрах жизнеподдержания наметились сбои. Они демпфировались:

АНГЛИЯ: материальное воспроизводство — с 1842 г. ослабление кризиса, улучшение хозяйственной конъюнктуры, активная колонизация (демографический сброс) сводят на нет протестные движения; гуманитарное (политическое, духовное, экзистенциальное) воспроизводство — парламентская реформа 1832 г. (расширение представительства).

ГЕРМАНИЯ: материальное воспроизводство — ликвидация системы внутренних таможен, налаживание общегерманского внутреннего рынка; гуманитарное воспроизводство — провал, вызванный реакционной политикой Фридриха Вильгельма IV, его безучастностью к реформационной программе ландтагов (требования конституции, ликвидации сословных привилегий); кризис власти 1844 г. — покушение на монарха.

АВСТРИЯ: реформационный провал, обусловленный общей консервацией устоев многонациональной империи, отстаивающей целостность в национально-освободительной борьбе (дезагрегация государства) сдерживанием преобразований.

БЕЛЬГИЯ: обретение самостоятельности от Голландии с решением проблем экономического (таможенные пошлины, налога, протекционизм) и гуманитарного (католическая национальная церковь, политические институты) развития.

ИТАЛИЯ: в целом реформационный провал ввиду национальной зависимости (австрийская оккупация), архаичной феодальной раздробленности: элементы реформ — инновации Пия IX, Леопольда II, Карла-Альберта (железнодорожное строительство, организация государственного, муниципального совета, национальной гвардии, ослабление цензуры, амнистия политзаключенных).

ИСПАНИЯ: непроникающие реформы Мендисабала (отмена системы майората, сеньориальных прав, роспуск монашеских орденов, закрытие монастырей, конфискация церковных земель).

ПОЛЬША: реформационный провал ввиду государственной несuverенности.

ШВЕЙЦАРИЯ: принятие конституции 1848 г. (с унификацией денежной системы, системы мер и весов, централизацией почты, таможи).

Проведение реформ, как в Англии, Бельгии, Швейцарии, создает предпосылки безболезненного ламинарного эволюционного развития. Затруднение реформ, как в Германии, Австрии, Италии, Испании, Польше, осложняет перспективы странового прогресса.

Самовластие не терпит сопротивления, но вынуждает его. Прерванные, несостоявшиеся реформы дали народу и власти повод вновь стать лицом друг к другу. Наступил 1848 г. — год вступления Европы в бурную полосу революций. Соло в континентальной партии кровавой гражданской борьбы в очередной раз исполнила Франция, более других стран (наряду с Ирландией, Германией, Австрией) пострадавшая от неурожая 1845—1846 гг. переживавшая последствия торгово-промышленного и финансового кризиса.

С 1847 г. на фоне резкого падения качества жизни усилились народные волнения (Франция, Англия, Ирландия, Германия). Летом 1847 г. в Париже развернулась "банкетная кампания" — либеральная критика власти, ратующая за реформы во избежание революции. Тщетно. Зимой 1848 г. власти запретили очередной банкет. 22 февраля под лозунгом "Да здравствует реформа!" в столице прошла демонстрация. Правительственные войска рассеяли народ, но борьба на следующий день с еще большим ожесточением и упорством возобновилась. Отставка кабинета не спасла положения. 24 февраля Париж оказался в руках восставших. Луи-Филипп отрекся от престола, бежал в Англию, куда за ним воспоследовал бывший премьер Гизо. 25 февраля во Франции официально провозглашена республика. В декабре 1852 г. ее фактически дезавуировал объявивший себя императором Луи Бонапарт — Наполеон III (ср. с показательной узурпацией власти вследствие необходимости поддержания послереволюционного порядка Наполеоном I. По пятам революции грядет реакция).

С позиций модели ФСК революции во Франции и Европе озабочены демонтажем феодально-абсолютистских пережитков и анахронизмов, осложняющих налаживание оптимальной жизнепроизводственной деятельности во всех регистрах социальной интеракции. Конкретно речь идет о ликвидации

— феодально зависимого крестьянства: личная зависимость (крепость) — Восточная Европа и держание на феодальном праве — Западная Европа;

- сосредоточение политико-государственных полномочий у привилегированных сословий;
- политической, хозяйственной раздробленности (Швейцария, Италия, Германия);
- иноземного господства (балканские, славянские народы, Бельгия).

Кое в чем в устранении политического и экономического господства дворянства в ряде стран Европы преуспели, кое в чем нет. И именно это определило стремительное шествие революции по континенту.

ГЕРМАНИЯ (1848 г.): требования демократических перемен (отмена феодальных повинностей, свобода печати, введение суда присяжных, оптимизация налогов, созыв парламента, обеспечение всеобщего избирательного права, формирование либерального правительства), натолкнувшись на противодействие властей, переросли в стычки, беспорядки, восстания. Итог: политическое объединение Германии, март 1849 г. — принятие общегерманской имперской конституции, провозглашение демократических свобод.

АВСТРИЯ (1848 г.): требования конституции, демократизации избирательной системы, не найдя понимания в верхах, сподвигли народ на выступления (майские, октябрьские события в Вене, антигабсбургские, антикрепостнические весенне-летние восстания в Венгрии, Воеводине, Трансильвании, Чехии, Моравии, Силезии, Польше, Закарпатской Украине). Итог: консервативная реакция, подавление восстаний на периферии империи, март 1849 г. — роспуск рейхстага, октябрь 1849 г. — массовые казни в Венгрии.

ИТАЛИЯ (1848 г.): январские антифеодалные выступления в Палермо с требованиями конституции, антиавстрийские освободительные движения в Венеции, Ломбардии, Сардинии. Итог: национализация собственности монашеских орденов, снижение ввозных таможенных сборов, упразднение системы майората. В целом же задачи революции не решены — не достигнут суверенитет, не устранены феодально-абсолютистские порядки, архаичные пережитки; лишь Сардиния отстояла конституцию (которую также принимали в Неаполе, Тоскане, Папской области).

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА (1848 г.): борьба за национальное освобождение, ликвидацию феодальных привилегий, отмену внутренних таможенных пошлин, проведение демократических преобразований. Итог: кризис власти в Молдавии, Валахии, разгром революционных движений благодаря интервенции России (Молдавия, Валахия) и Турции (Валахия).

Подытоживая эту часть изложения, уточним: в магистральном движении по ликвидации феодально-абсолютистских институтов (монархический авторитаризм, помещичья земельная собственность, средневековая сословно-цеховая корпоративная система) и оптимизации живневоспроизводства в базовых регистрах социального обмена деятельностью (свобода предпринимательства, торговли, расширение политических прав, полномочий, оформленные конституционализма, парламентаризма) в большей мере преуспела Западная Европа (Англия, Франция, Швейцария, Бельгия). В Центральной и Восточной Европе (Германия, Австрия, Польша, Россия) борьба за демократические преобразования ввиду нерешенности актуальных социальных, политических, экономических, гражданских вопросов обострялась. Для Германии осталась проблема преодоления политической раздробленности, достижения национально-государственного единства. Для Италии — проблема обретения национальной независимости. Для Австрии — проблема целостности империи (национально-освободительные движения покоренных народов). Для Польши — проблема государственного суверенитета. Для России — комплекс проблем, решаемых в Европе, но в ней даже не поставленных. Когда в Европе в череде революций XVII—XIX вв. двигались в сторону ликвидации дворянской монополии в гражданской жизни, в России привилегированное положение дворянско-помещичьего строя закреплялось (Жалованная грамота 1785 г.). Вынужденная реформа 1861 г. подорвала экономические, но не политические позиции дворянства. Окончательная ликвидация его как гражданской силы в России производится в феврале — октябре 1917 г. со значительным временным отрывом от Европы.

Хуже, чем в России, дела обстояли лишь на Востоке.

ИРАН: пережитки феодализма, деспотизм шахской власти, проникновение иностранного (русского, английского) капитала ставили население на грань голодной смерти. Промышленно-торговый кризис усиливали стихийные бедствия (засухи, эпидемии, неурожай). В 1844 г. возникло утопическое религиозное и социально-политическое движение бабидов, ратующее за демократические ("справедливые") общественные идеалы. Итог: оно было нещадно подавлено в 1850—1852 гг. Правительственная программа реформ Мирзы Таги-хана (реорганизация армии, государственного управления, финансов, упорядочение налоговой системы, ограничение привилегий духовенства, ликвидация феодальной раздробленности, сепаратизма) потерпела фиаско.

ИНДИЯ: борьба с колониальным английским господством, консервировавшим пережитки феодализма, препятствовавшим

национальному развитию, вылившаяся в ряд мощных выступлений санталов и сипаев (1855—1859 гг.) в Бенгалии, северо-западных провинциях, Ауде, Канпуре, Аллахабаде, ряде мест Центральной Индии, юге Бомбейской провинции, окончилась полным поражением восставших. Итог: незначительные послабления крестьянству и национальным феодалам (ликвидация Ост-Индской кампании, ноябрьский 1858 г. манифест о признании прав феодальных собственников, закон о постоянной аренде земли) произведены на фоне полного и окончательного превращения Индии в подчиненную генерал-губернатору английскую колонию.

КИТАЙ: тайпинское антифеодальное, освободительное восстание 1851—1869 гг. за учреждение на Земле Небесного государства великого благоденствия. Принятые тайпинами реформирующие законы о земле, налогообложении, контрибуциях, демократических преобразованиях общественной жизни (уравнение женщин в гражданских правах с мужчинами) свидетельствуют о попытках устройства социальности по линии воплощения соответствующих ФСК. Итог: международная интервенция в Китай, вторая опиумная война 1856—1860 гг., колонизация Среднего царства.

КОРЕЯ: социально-политический кризис, обусловленный упадком системы натурального хозяйствования, спровоцировал стихийные массовые выступления 1862 г., антифеодальный пафос которых нашел концептуальное отображение в замечательном идейном движении сирхак. Половинчатые реформы, предполагающие укрепление центральной власти, ослабление местного сепаратизма, демократизацию управления, гражданской жизни, пытался проводить Ли Ха Ын. Итог: иностранная агрессия, рост народного недовольства, череда крестьянских восстаний 1869—1871 гг., колонизация Кореи, массовый исход населения из государства.

ЯПОНИЯ: феодальная раздробленность, производительная, управленческая неконсолидированность фрагментов страны, череда неурожаев, изоляция от внешнего мира, мелочная регламентация народнохозяйственной деятельности, рост зависимости (торговой, финансовой) от иностранного влияния обострили противоречия как между властью и народом, так и внутри власти (рост дворянско-буржуазной оппозиции). Ощущалась необходимость скорейших реформ. Таковыми явились преобразовательные акции сверху 1867—1868 гг., устранявшие двоевластие (ликвидация сегуната), укреплявшие единоличную императорскую власть, намечавшие перспективы изменения в организации производства

и торговли (законы о свободе внутренней и внешней торговли, уничтожении средневековых гильдий, купле-продаже земли). Итог: незавершенный характер верхушечной реформации не позволил добиться желаемого: пережитки средневековой интеракции в обществе сохранились, избавления от иностранного влияния не достигнуто.

Следующая волна гражданской борьбы во второй половине XIX в. идет под знаком оформления национально независимых, национально единых государств: оживляются освободительные движения в Польше, на Балканах, Италии, Австрии. Итог: 1863 г. Польское восстание, венчавшееся в устроительной плоскости аграрной реформой 1864 г.; 1858 г. — объединение Молдавии, Валахии в Румынское государство (деформация Османской империи), аграрная реформа 1864 г.; рост национально-освободительных движений в Болгарии, Сербии, Греции (дезагрегация Османской империи); 1861—1870 гг. — образование итальянского единого национального государства; войны Пруссии с Данией, Австрией, Францией, окончательное объединение Германии в 1871 г. — году увенчания Вильгельма I короной германского императора; кризис Австрийской империи, активизация повстанческих движений в Венгрии, Чехии, Хорватии, Словении.

В шедшей в авангарде европейской революции XIX в. Франции усиливается борьба за восстановление, обретение отмененных, урезанных Луи Бонапартом политических, гражданских прав и свобод. С началом в 1866 г. экономического спада, ростом общедемократического выступления, внешними и внутренними провалами правительственной линии наметился тотальный кризис Второй империи, завершившийся Парижскими восстаниями, провозглашением республики (сентябрь 1870 г.), Парижской Коммуной.

И так до достижения оптимумов, вхождения в цивилизационные магистрали. (Нерешенные в ряде стран национально-государственные задачи продолжали решаться позже — вплоть до относительной материализации ФСК. В войнах, народных движениях, в результате протестных процессов 1877—1878, **1912—1913 гг.** в качестве суверенных субъектов социально-исторической жизни, скажем, оформились Сербия, Болгария, изменили территориальный статус Греция, Румыния, возникла Албания. В 1905 г. от Швеции отделилась Норвегия и т.д.)

Подпочву упомянутых турбулентных событий во многом составили циклические кризисные явления разной природы 1825, 1847, 1857, 1866, 1873, 1882-1886, 1890, 1900 гг., вызывавшие ухудшение условий жизнеобеспечения населения и обуславливав-

шие необходимость оперативных реакций властей. Наличие таких влекло реформы. Отсутствие таких — революции. В большинстве стран Западной Европы (исключения — Франция, Испания) утвердился первый, в большинстве стран Центральной, Восточной Европы, Ближнего, Дальнего Востока — второй путь.

В обоих случаях независимо от конкретных нейтрализации социальных коллизий речь шла о демократизации общественного, государственного строя, расширении политических прав, свобод, обновления регламента вовлечения, участия, решении социальных проблем (сокращение рабочего дня, упразднение безработицы, нищеты), введении патронатных, протекционистских программ и т.д. Но в одном случае проблемы решались через социальное партнерство, в другом — через социальную конфронтацию. Один стал эволюционной, кумулятивной, континуальной, другой революционной, антикумулятивной, дискретной линией развития.

Локомотивом первой явилось укрепление национальной самоидентичности посредством санации общественных связей, предоставления, расширения жизненных гарантий (прогресс образования, подъем культуры, социального обеспечения, медицинского обслуживания). Локомотивом второй явилось разрушение национальной самоидентичности посредством деформации общественных связей (политический порыв "вкусить уничтоженья"), подрыва системы жизнеобеспечения во всех регистрах (для смены власти).

Нет нужды говорить о преимущественности первой формы развития по вектору прогрессивного воплощения ФСК. Следует сетовать на обстоятельства, препятствовавшие возможности не обретшим национального суверенитета странам по ней следовать. Отсюда — досадное цивилизационное отставание Ирана, Кореи, Китая, Италии, Венгрии, Польши, находящихся под игом Османской и Австрийской империи балканских и славянских народов.

3.4

ПРОПОРЦИИ И ФАЗЫ

Доктринация социально-исторических периодических колебаний зиждется на установлении когерентности натуральных и социальных циклов. При этом когерентность как количественно детализируемый параметр качественно обнаруживает себя как воз-

можность, а не предопределенность. Имеются некие зависимости (в виде колебательных реставрируемых изменений), в статистике регулирующие поведение сложных социальных систем. К последним относятся периодические процессы разной природы, степени сложности, глубины, интенсивности. В экономике существуют кондратьевские К-циклы (длина волны около 50 лет). В архитектуре существуют циклы чередования классики и барокко (с аналогичной длиной волны). В музыке существуют композиционные циклы (той же длины волны). Просматриваются политические, социальные циклы смены либерализма консерватизмом, патроната свободной конкуренцией, этатизации приватизацией и т.д. Будучи периодическими колебаниями поверх и помимо этнических, формационных и др. особенностей, они выражают капитальные зависимости в соотношениях родов' и видов, частей и целого внутри и между собой-.

Возникает проблема уяснения причин данных зависимостей в соотношениях: почему длительность, численность хорошо известных периодических социальных явлений количественно определена? Положительные представления на сей счет резюмируются трояко — как: 1) "согласованность структурной и функциональной организации социума"; 2) "числовая пропорциональность общественного универсума"; 3) "фазовые переходы".

1. Согласованность структурной и функциональной организации социума обусловлена интенцией к оптимумам в налаживании, обихожении интеракции. Примерами факторов, благоприятствующих адаптации межсубъективного обмена деятельности, повышающих его кредитоспособность до степени жизнеспособности выступают "железный закон" заработной платы (Тюрго, Рикардо, Мальтус, Лассаль), "железный закон олигархических тенденций" (Михельс), "золотое правило", многочисленный притчевый материал — императивы, заповеди, заветы, традиции.

2. Социально-человеческая реальность самоконституируема. Продукты исторического, творчества получают в борьбе с собою, но и в согласии с некими количественными закономерностями строения, функционирования, развития социума. Самая зрелая, зоркая, дерзкая мысль, живая мечта, яркий поступок укладываются в сухошавую, как чеховская англичанка, квантитативную колею пропорциональности, численности, длительности. Почему в разных социальных хронотопах, общественно-пространственно-временных локалах имеют место именно такие количественные соотношения групп, процессов, тенденций? Доля

выборщиков составляет около 60%. На один факт женского приходится три факта мужского суицида. Фаза перестройки в жизненных циклах социальных систем составляет 1/3 длительности цикла¹. Эмпирические свидетельства легко множатся. С чем связывать данную периодику? Со структурной гармонией и дисгармонией социальных систем, фундируемой количественной, числовой пропорциональностью общественных связей.

Причины численности групп, длительности процессов коренятся в законах существования сложноорганизованных систем, удовлетворяющих принципам гомеостаза. Упорядоченность, сбалансированность, целесообразность оказываются производными константных приспособительных реакций (типы поведения, самоутверждения, лицедейства), подчиненных: а) устранению, максимальному ограничению дестабилизирующих (нарушающих относительную динамическую равновесность, оптимальность) турбулентных влияний; б) обеспечению поддержания некоторых величин в адаптивно допустимых пределах.

Отношения меры (числовой пропорциональности) общественных связей интерпретируются в терминах теории самоорганизации: при придании известным пропорциям функционального истолкования возникают количественно детализируемые представления уровней равновесности, упорядоченности, сохранения, изменения, сводимые в таблицу².

ПРОПОРЦИЯ	ФУНКЦИЯ
1,000	равновесие
1,237	развитие новых элементов
1,618	развитие новых свойств
2,236	развитие новых отношений
2,237	баланс сохранения и развития
4,236	сохранение сложившихся отношений
8,434	сохранение сложившихся свойств
16,857	сохранение сложившихся элементов
99,000	коллапс

¹ Подр. см.: Давыдов А.А. Модульная теория социума // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1996.

² Там же.

Система изоморфизмов пропорций и функций проясняет причины количественной определенности соотношений представительности групп и длительности процессов в социуме: эти показатели суть дериваты собственной функциональной роли. К примеру, доли удовлетворенных и неудовлетворенных жизнью, участвующих и неучаствующих в голосованиях составляют соответственно 62% и 38%. Данная пропорция, выражаясь числом 1,618, выполняет конкретную функцию развития новых системных свойств¹.

Аналогичное — касательно:

- временных рядов — соотношение длительности большего и следующего за ним меньшего цикла составляет приблизительно 1,237, передаваясь функцией развития новых элементов;
- фазовых длительностей — в жизненных циклах различных социальных изменений фазы подъема, стабилизации, упадка составляют примерно 27%, 41%, 32%, что также передается вышеобозначенной функцией².

Качественная оценка существа связей пропорций с функциями подводит к такому выводу. Базовый для функции развития интервал охватывает значения в диапазоне от 1,237 до 2,236, среднее геометрическое которых равно 1,618; оно отвечает золотому сечению, являющемуся основой гармонически композиционных построений. В терминах развиваемой нами модели ФСК ситуация интерпретируется как тенденция достижения оптимумов.

3. Фазовые переходы. Статические системы взаимоисключают изменчивость (развитие) и устойчивость (сохранение). Динамические системы их взаимопредполагают. Являясь динамическими системами, социальные системы обладают свойствами: упорядоченности, открытости, целостности, неравновесности, нелинейности, самоорганизованности, сложности. Последние аранжируют трансформацию стационарных состояний через структурные фазовые превращения.

Основная характеристика фазовых превращений в случае социальных систем — нарушающая сбалансированность жизнепроизводительной деятельности, внешняя или внутренняя турбулентность — точка фазового перехода. Здесь в утрате гарантийности существования обостряются общественные противоречия,

¹ Там же.

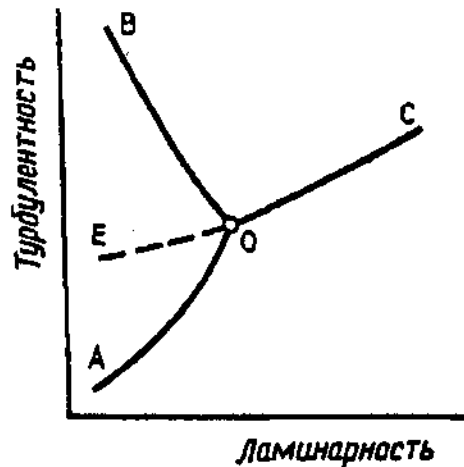
² Там же.

усиливается конфронтация элементов и целого (центробежные реакции, пикировки периферии и ядра), подрывается стабильность, предсказуемость поведения, растет восприимчивость к деструктивным асинергийным влияниям.

Согласно принятой классификации различаются два типа фазовых переходов. Применительно к социальной реальности ими будут:

- фазовые переходы первого рода — социальные мутации: в точке фазового перехода наблюдается выделение гражданской энергии и насильственное, фронтальное катастрофическое изменение форм существования. Фазовые переходы первого рода идут под флагом революций;
- фазовые переходы второго рода — социальные трансформации: в точке перехода регистрируются ненасильственные полиморфные превращения за счет ламинарных saniрующих акций. К фазовым переходам второго рода относятся реформации.

Состояние фазового равновесия характеризуется балансом сил в обществе. Его удобно изображать с помощью диаграмм. Для элементарной однокомпонентной системы, зависимой от одного фактора (политическая сила), такая диаграмма приведена ниже.

Тройная точка O на диаграмме соответствует равновесию трех фаз — гарантийное, предкризисное, кризисное развитие. Ниже линий OA и OC — при благоприятных условиях существования и взвешенных инициативах власти — располагается область гаран-

тайного социального развития; между линиями OB и OC — область предкризисного; между линиями OA и OB — кризисного социального развития.

Состояния системы, описываемые линиями OA, OB, OC, соответствуют равновесию между сопряженными фазами, — скажем, OC — равновесию между гарантийным и предкризисным развитием. В точке пересечения трех кривых — тройной точке O находятся в равновесии три фазы (три типа развития), поддерживаемые относительно строго заданными значениями ламинарности и турбулентности. Пунктирная линия OE, являющаяся продолжением OC, показывает зависимость перспектив развития по вектору движения от ламинарности к турбулентности. Такая фаза неустойчива (метастабильна) в присутствии более устойчивой фазы. Возможность существования метастабильных фаз, зависящая от совокупного состояния политической элиты и народа (мобилизованность, демобилизованность; активность, пассивность), — специфическая особенность фазовых переходов первого рода.

Пассионарный перегрев и переохладение связаны с необходимостью затраты гражданской энергии на образование зачатков новой фазы. На поверхности раздела, дистанцирующей фазы, свойства социума меняются скачком, однако в применении соответствующих дестабилизирующих технологий (инициирующих стагнацию, сецессию, дезагрегацию, дискредитацию и т.д.), свойства фаз сближаются, а в некоторой критической точке становятся равными. Критической называют точку, где исчезает различие гарантийного, предкризисного и кризисного развития. В областях ниже критической точки имеются два легко отличимых состояния социальности — гарантийное и кризисное. В областях выше критической точки социальность находится в однородном кризисном состоянии. Для каждого типа социума характерны свои критические точки (роль традиций, императивов почвы, истории народов), свои интервалы доверия для политической элиты, вождей, оппозиции, правительства. Нахождение внутри них или выход за пределы них производится контекстуально.

Если фазовые переходы первого рода связаны с изменением состояния, то фазовые переходы второго рода — с изменением порядка. При идеальном порядке отношения народа и политической элиты (власти и оппозиции) сбалансированы. С нарастанием сложностей увеличивается вероятность социального разбаланса. До тех пор, пока эта вероятность остается возможностью, обострений (коллизии, пикировки, кризисы) не возникает. При эскалации конфликтности, приближении к критической точке фазового перехода складывается остро конфронтационная разупорядоченная фаза. Целесообразно вывести показатель по-

рядка, связывающий показатели вероятности W_1 остаться в наличном и W_2 выйти из наличного состояния.

$$y_i = (W_1 - W_2) : (W_1 + W_2).$$

В полностью упорядоченном (ламинарном) состоянии $W_x = 1$; $W_2 = 0$; $|t| = 1$. В полностью разупорядоченном (турбулентном) состоянии $W_x = W_2 = \sqrt{2}$ (возможности одинаковы); $|t| = 0$.

В критической ситуации социальные системы особенно восприимчивы к разбалансирующим воздействиям (флуктуациям). Отсюда — требование к политическим элитам упреждать полное разупорядочение с недопущением принятия нулевого значения. Последнее подвластно антиципирующим реформам.

3.5

ПОСТУПКИ И ЛИЦА

История — дело рук человеческих, — процесс самосозидаемый. Понимание этого кристаллизовалось не сразу; ему предшествовала солидная поисковая преамбула, оттеняющая, как, в сущности, мало мы знаем об истории. Многоразличные модели пружин исторического процесса суммируются руслами:

- телеологизм, провиденциализм, эсхатологизм, финализм (от Августина до Фукуямы), мистифицируя ток истории в субъективистском ключе;
- географизм, натурализм, техницизм (от Страбона до Серван-Шрайбера), мистифицируя ток истории в объективистском ключе;
- примитивизируют реалии, рисуют картину, уводящую в сторону. В сторону фатализма. Ледяное бесстрашие размышлявших об истории сказывалось в умалении мироправительственной роли человека. Свобода воли, спонтанные человеческие действия на базе заявления самости как невписываемые в цепи внешнего (от теистического до натуралистического) причинения исключались из рассмотрения, лишались значимости.

Чтобы быть свободным, показательно рассуждал тот же Гольбах, человек "должен стать сильнее целого"¹, поскольку же это невозможно, он вписан в динамически детерминированные связи.

¹ Гольбах П. Избр. произв. М., 1963. Т. 1. С. 209.

Между тем то, относительно чего выводит универсальное квалифицирующее суждение Гольбах (и Ламетри, и Пристли, и многочисленные их единомышленники), характеризует органическую, физиологическую, но не общественно-историческую подоплеку жизни.

Человеческое поведение — не одна лишь "игра марионеток" (Кант). Желая доказать отсутствие исторической свободы, на деле Гольбах обоснует ее наличие. В своих позитивных деятельностных жизненных актах, заявляя свободу воли, обязанность, долженствование, самость, человек превозмогает природные пределы, выходит за положенные бытием рамки. Оказываться поверх природного бытия, его последовательно задетерминированных трофических цепочек — призвание социально-исторического лица.

Упоминание о случайном, свободном, спонтанном, долженствительном через волеизъявительное как общем месте социально-исторического требует хотя бы краткой обрисовки последнего. Исходный тезис состоит в утверждении: помимо общих (циклических) законов физического, социального, морального порядка, управляющих миром, логично допустить управляющие миром частные и даже исключительные, эпизодические зависимости.

География побуждает (через условия), государство вынуждает (через законы), религия (традиция) убеждает (через заповеди), оконтуривая каузальный комплекс; личность же возбуждает, оконтуривая казуальный комплекс. Комбинация одного и другого — и только она — образует полные причины социально-исторических явлений.

Иван IV убивает сына. Алексей Михайлович рвет с Никоном (поражение Никона как личности и политика означало утверждение в России примата скипетра над посохом, короны над клубком). Петр I казнит наследника. Петр III свергнут по санкции Екатерины II и убит. Павел I задушен. Александр I сохранил государственность побежденной французами Пруссии (Тильзитский мир), что в отношении Германии впоследствии реализовал Сталин (Крымская конференция). Оказала ли влияние на ток истории череда данных перипетий и коллизий? А чиновная статья рутинной персоны князя Львова, возглавившего в марте 1917 г. сразу после ухода с политической сцены последнего российского царя Временное правительство? А пикировка Керенского и Корнилова относительно диктаторских полномочий, властных прерогатив (провал планов создания Совета Народной Обороны под председательством коллективного диктатора)? А двуличие Ельцина, на выборах председателя Верховного Совета РСФСР (май

1990 г.) заявившего: "Я никогда не выступал за отделение России, я за суверенитет Союза, за равноправие всех республик, за их самостоятельность, за то, чтобы республики были сильными и этим крепили наш Союз. Только на этой позиции и стою", и действовавшего вразрез с собственным кредо? А Беловежский сговор вопреки воли народа? Они трансформировали ток истории?

История однократна, одновозможна. Трудно моделировать, как пошло бы развитие, реализуй Россия потенциал февральско-мартовской революции 1917 г.: какие ответы она бы нашла на вызовы Европы, мира; эпохи? Была ли необходимость большевистских, а не, скажем, столыпинских преобразований? Как развивалась бы обстановка, не выйди Россия из Первой мировой войны? Вопросы не праздные, ввиду своей неверифицируемости хотя и умозрительные, но всецело отрезвляющие. Субъективный элемент в традиционной объективистской (фаталистической) оптике воспринимается как побочное возмущение (от пресловутых телеологических, панлогистских "целей", "планов" до пресловутых же марксистско-ленинских "тенденций"). Но на каком основании? Почему в объяснительном арсенале засилье каузальных на фоне дискредитации казуальных начал?

В силу чего изгоняются факторы, влекущие эпизоды? Сараевское убийство — эпизод. Однако решающий. Вдумаемся: без акции Гаврилы Принципа была бы развязана Первая мировая война? Быть может, была. Только в какой форме? Смерть Франца-Фердинанда от руки сербского гимназиста оказалась удобным непосредственным поводом эскалации конфликта (австрийский ультиматум Сербии 23 июля 1914 г.). Ну, а если бы повода не было?

Движение в вопросе увлекает в область безбрежного, обязывая в толковании исторического не устраниваться от рефлексии эпизодов, оценки обстоятельств типа: пошла бы история иначе, если бы нос Клеопатры был короче. Кстати, нос Клеопатры...

Будучи монархом с неограниченными полномочиями, Юлий Цезарь мог позволить себе связь с любой женщиной (ср. с чуть не лишенным власти Клинтонем). Подобного уже не мог позволить себе член триумvirата Антоний, связь с Клеопатрой которого представлялась антипатриотичной (поддержка высшим иерархом главы борющейся с империей мятежной провинции — потворство окраинному автономизму, благоволение сецессии, дезагрегация государства). В жизненном плане близость с Антонием позволяла Клеопатре как политической фигуре и как женщине (в немалой степени благодаря миловидности, обусловленной в не-

котором роде и длиной носа) решать многие державные и экзистенциальные проблемы." Поражение Антония в гражданской войне, ликвидация триумvirата, восшествие на престол Октавиана актуализировали вопрос будущности Клеопатры, решить который (в очередной раз) она намеревалась по-женски: соблазнением (опять же не без роли длины носа) Августа. Не вышло вследствие того, что Октавиан как мужчина (а не государственный деятель) имел свои пикантные экзистенциальные пристрастия, предпочтения. Негоциация Октавиана с желавшей его Клеопатрой не состоялась оттого, что в женщине (естественно, не в государственном деятеле) Октавиан превыше всего ставил девственность (о чем знала супруга Октавиана, поставлявшая ему физиологических девушек). Поскольку жившая бурной половой жизнью Клеопатра на роль девственницы претендовать не могла, в качестве "экзистенциального материала" какого-то интереса у Октавиана она не вызывала. Собственно, этим был предreshен печальный финал Клеопатры как царицы.

Донельзя наглядная постанковка: что если бы отношение к лучшей половине человечества у Октавиана было иным; что если бы Клеопатра была девственницей, — превращает анекдотическую деталь вроде длины носа (и, разумеется, прочего) в перво-степенный фактор: исторические судьбы, перспективы, возможности первых римских, египетских лиц, стоящих за ними народов, не формируясь фаталистически, могли иметь совершенно иную инкарнацию.

Значение личностного начала, перво-степенно важного, непреходящего, значение поступка, дела, подчас страшного, удивительного, корректирует традиционное (для фаталистической схемы истории) допущение параметрической стабильности изменяющихся систем, независимости их свойств от порождающих их, происходящих в них процессов, — допущение само по себе предельно сильное, неполноценное. Чем регулируется естественно-исторический ток вещей? Согласно традиции — однозначными (фатальными) зависимостями. Случайность, неопределенность, непредсказуемость исключались из рассмотрения. По просвещенцу Гольбаху, например, "ничего в природе не может произойти случайно, все следует определенным законам; эти законы являются лишь необходимой связью... следствий с их причинами... Говорить о случайном сцеплении атомов либо приписывать некоторые следствия случайности — значит говорить о неведении законов, по которым тела действуют, встречаются, соединяются, разъединяются"¹.

¹ Гольбах П. Избранные антирелигиозные произведения. М., 1934. Т. 1. С. 34—35.

Описание реальной изменчивости производилось по канонической механической модели: аппарат динамики с фиксацией начальных условий для установленного момента времени — вот все, что требуется для исчерпывающего воссоздания поведения развивающейся системы. Столь ограниченный подход, однако, не дает глубокой концептуализации развития; мир традиции, классики, Просвещения — тавтологический, атемпоральный — чужд внутренней созидательностиTM;

Серьезный положительный сдвиг связан с неклассической, нетрадиционной трактовкой объективного формообразования. Векторизованность, качественная изменчивость организации явления не плод задетерминированности, предзаданности. В соответствии с глубокой идеей конструктивной роли случая становление новых форм происходит в неустойчивых к флуктуациям точках бифуркации, дающих начало очередным эволюционным рядам. Избирательные, чувствительные к собственной предыстории адаптационные механизмы порождения таковых носят нелинейный характер. В состоянии равновесия «материя "слепа", тогда как в сильно неравновесных условиях она обретает способность воспринимать различия во внешнем мире... и "учитывать" их в своем функционировании»¹. Здесь-то возникают и проявляются когерентные, кооперативные, синергетические, принципиально нелинейные эффекты, связанные с авторегуляцией, самодействием на базе "присвоения" фрагментов мира, перевода внешнего во внутреннее и обратно с соответствующим преобразованием.

Действия лиц не механистичны, они ценностны, идеологичны. Филантропия декабристов провалила революцию сверху. Мизантропия большевиков искажила революцию снизу. (Дорогого стоят, к примеру, откровения "гуманиста" Луначарского, идейно питавшие борьбу с собственным народом: "Долой любовь к ближнему! То, что нам нужно, — это ненависть. Мы должны уметь ненавидеть; только тогда мы можем победить вселенную"².)

История есть созидание того, чего нет в природе. Как оно протекает? По впитанной личностью, отстаиваемым ею идеалам, целям, ценностям. Всякая частная правда, замечает Голсуорси, "плоска, как блин". Но она вынуждает некую бытийственную конструкцию. Ценностная экипировка лицедеев истории оранжирует социально-историческое зодчество: тот же коммунизм — в

¹ Пригожий И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 55—56.

² Цит. по: Жевахов Н.Д. Воспоминания. "Новый сад". Париж, 1928. Т. II. С. 252.

зависимости от характера его воплощающих — принимает разные формы: от полной свободы до полного рабства.

"Я" является *causa efficiens* бытия, неся в себе повышенную опасность неоднозначности обмирщаемых ценностей (идеалов). Дали идентифицировал жизнь с "умывальниками", Састре — с "великими темами". Если идеи правят миром, возникает проблема качества идей: ложные идеи имеют то неудобство, что долго изживаются.

Политика выстраивает существование по идеалам — конкретным отображательным формам. Но часто в руках того, "кто дерзает, кто хочет, кто ищет", средство превращается в цель. Как тут не вспомнить, скажем, "Мировую революцию", по поводу которой Ленин уточнял: "никакого острова утопии здесь нет. Дело идет о создании социалистического государства... Дело не в России, на нее... мне наплевать — это только этап, через который мы проходим к Мировой революции"¹.

Итак, наплевать на реальное во имя мнимого... Искаженные отражения персональных душ, непрочность, иллюзорность даже высочайших субъективных порывов, обостряя сюжет "в чьих руках молния", заставляют пополнить теорию исторической причинности причинной теорией идеалонесущей личности.

Причинность, очевидно, асимметричное отношение. Если выразить зависимость причины и следствия символом П, можно различать два случая П ($C_x C_j$ и П ($C_2 C_x$). Эмпирически устанавливается, какой из случаев объективировался. Используя методику Рейхенбаха, сформулируем: если событие C_x — причина C_2 , то небольшое изменение (маркировка) в C_x повлечет соответствующее изменение в C_2 , а не наоборот. Обозначая незначительное отклонение C^* получаем комбинацию

$$\hat{C}\hat{C} \gg \bar{C} \hat{C}^* \gg \wedge S_j'''$$

но не комбинацию

$$C C_2^2.$$

Различие и обусловлено наличием специальной метки, выражающей вхождение в состав C' комбинации (C, c) где c — некое дополнительное событие-метка. Во всех социально-политических вопросах, выводит Кропоткин, главное — "хотят ли того-то

¹ Цит. по: Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. Париж, 1984. С. 246.

² Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М., 1985. С. 157.

люди? если хотят, то насколько?.. Сколько их? Какие силы против них? Все теории... ничего не стоят, покуда на этот вопрос нет ответа"¹.

Народные движения, утверждалось выше, инспирируются циклическими объективными явлениями (торгово-промышленные, финансовые кризисы, природные катаклизмы, экономические дисфункции и т.д.), на которые накладываются человеческие факторы действия. Связь одного с другим, оказываясь ни единственной, ни обязательной, представляется все-таки существенной. Каузальный порядок истории зависит от казуальных влияний персонажей и лиц — их поступков, интенций, комплексов — конкретно: потребностей в иллюзиях, предрасположенностей к утопиям, обывательской законопослушности, агрессивной механистичности, легковерия, максимализма, революционной романтики, террористических искушений, инфантильного вампиризма, легкой и жесткой детской безответственности, почти вызывающей прямоты, стоического выполнения долга, задора самоутверждения, предпочтения идейного жизненному, покладистой репродуктивности, пароксизма самоутверждения, симпатии социальному насилию, мании величия, ветреного волокитства, необузданности индивидуализма, демонизма фальши и т.д.

В пределах очерченного смыслового поля — самовлюбленность Керенского, мстительность Ленина, подозрительность Сталина, бескультурность Хрущева, консервативность Брежнева, дряблость Горбачева, импульсивность Ельцина. Все это факторы, переносящие метку и не позволяющие нам говорить об универсальном объективном причинном порядке, минуя уникальные субъективные точки "здесь — теперь".

В отношении цепей причинения история отмечает уничижительные квалификации априори. Любая провоцирующая частность может оказаться решающей. Сараевское убийство. История знает массу убийств, но в качестве существенного удерживает акцию Гаврилы Принципа. Нос (и не только он) Клеопатры. Длина выдающихся частей лица вполне заурядна; история сохраняет конкретную деталь конкретного фигуранта событий, сыгравшую с заинтересованными персонажами жизненного процесса злую шутку.

¹ Кротошкин П.А. Записки революционера. С. 247.

Достойная обобщения частность должна войти в полное определение причины и, следовательно, обрести подобающее ей место в общей концепции истории. Из сказанного вытекает: исторический морфогенез складывается из комбинации объективных циклических, фазовых и субъективных судьбических факторов. Исчерпывает ли данная комбинация его (морфогенеза) природу? Отнюдь. Результат деятельности, демонстрирует Гегель, не совпадая с мотивами деятельности, осуществляет еще нечто более далекое, что хотя и заключено внутренне в субъективный интерес (локальное действие), но его перекрывает¹. Каков же статус его, этого сверхдеятельностного нечто, выходящего за обозримые пределы явленческого?

¹ См.: Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 8. С. 27.

